

ВОЙСКО

Всеволод ЗЕЛЬЧЕНКО

ВОЙСКО

ВСЕВОЛОД ЗЕЛЬЧЕНКО

«Пушкинский фонд» • МСМХСVII
Санкт-Петербург

Слепой

Слепой объясняет на пальцах
Дорогу в кафе у моста.
На плечи слепому, как панцирь,
Надеета его слепота.

Среди колдовских испытаний
Страшнее не сощечь такой.
Задачи - протиснуться за ушки
Коробки его черепной.

Там ткани с нависшим отливом
Раскладывает на столе
Портной; косяком терпеливым
Там рыба идёт по земле.

Когда на фасады, что смерками,
Ложится тяжёлая мгла,
Пополни философа берками,
Завидев его от уша -

И, чужа формальную сцену,
Испуганно вост зверю
В парадных, когда он сквозь стену
Проходит, не видя её.

В. Землетико

Всеволод ЗЕЛЬЧЕНКО

ВОЙСКО

стихотворения

«Пушкинский фонд» • МСМХСVII
Санкт-Петербург

ББК 84. Р7
3 50

Марка издательства работы
Сергея Семенова

ISBN 5—85767—104—3

© В. Зельченко, 1997

Памяти Е. А. Натанзон

I. ВОЙСКО

ИЗ АФРИКИ

Я умер и убит — а там,
Где я лежу, убит,
Дробятся капли по кустам
И марево знобит.

Оттуда в морок, в ложный дождь
При вычурной луне
Ушел Тум-Тум, туземный вождь,
Подавший яду мне.

С трудом, как если бы сквозь дым,
Я различаю вид —
Ему отныне предстоит
Быть спутником моим,

От миража на волосок,
До той поры, пока
Глаза не вытекут, рука
Не перейдет в песок.

Я вижу лето, полутьму,
Скуластый очерк дюн,
Кровать и стул, и по нему
Карабкается вьюн,

Пустую флягу, саксаул,
Следы босых ступней —
И берег Англии моей
У портсмутских зыбей.

Как древле в варево свое
Гляделся горный гном,
Так я, продет сквозь бытиё,
Увидел всё в одном:

Я вижу дом, в котором рос,
И тот похвальный лист,
Что заполнял майор Мак-Росс,
Изысканный стилист;

Еще — скобу, щеколду, крюк;
Над ним из ступки пест
Выглядывает (так бирюк
На ярмарке невест

Выглядывает); на стекле
Морозное бельмо —
И этот жемчуг на тебе,
Читающей письмо.

Теперь я понимаю: связь,
Измучившая нас,
Что между осторожных фраз
Как ниточка вилась —

Перелистни — так вот, она
Упрочена стократ —
В узоре камешков на дне,
В извилах корневищ.

Грошовой вольности птенец,
Я сам в конце концов —
Звено в цепи, читай: мертвец
В колонне мертвецов,

И обхожу, навеки твой,
Пустынные поля,
Как новобранец-часовой,
Губами шевеля.

СЛЕПОЙ

Слепой объясняет на пальцах
Дорогу в кафе у моста.
На плечи слепому, как панцирь,
Надета его слепота.

Среди колдовских испытаний
Страшнее не сыщешь такой
Задачи — проникнуть за грани
Коробки его черепной.

Там ткани с павлиньим отливом
Раскладывает на столе
Портной; косяком терпеливым
Там рыба идёт по земле.

Когда на фасады, что смеркли,
Ложится тяжелая мгла,
Попомни философа Беркли,
Завидев его от угла —

И, чуя финальную сцену,
Испуганно воеет зверьё
В парадных, когда он сквозь стену
Проходит, не видя её.

СОГЛЯДАТАЙ

Кто смотрит за тобой тайком,
Когда под рев ворон
Переступаешь платье и
Соскальзываешь в сон?
Никто не смотрит. Ни о ком
Не скажешь: «Это он».

Недуг, которому давно
Пора найти врача;
Тупик ума; еще одно
Строенье без ключа —
Смотри, моряк идет на дно,
Несвязно бормоча.

Смотри — коня на всем скаку
Остановив, седок
Вслепую шарит по траве
Упавший перстенок,
Потом находит — но металл
От времени поблек.

Так в рукоделии твоём,
В мельканье этих спиц,
Таятся тысячи стрекоз,
Шеренги колесниц.
Кто говорит с тобой сейчас?
Никто не говорит.

ФУТУРИСТЫ В 1913 ГОДУ

Когда могучая зима пригнула нас к земле,
И в пляс безногая сама пустилась на столе,
Когда опробовал Молох железное нутро —
Твой выбор был не так уж плох, покойница Гуро.

Когда рогатый Актеон завидел кобелей,
Когда уже шатался трон балканских королей,
Когда играли попури и верили в метро,
Нам говорила «Отомри» покойница Гуро.

Она склонялась над котлом, где булькала вода, —
Вертясь винтом, варились в нем волчцы и лебеда,
Кто приносил ей изумруд, а кто совал пятак —
Она хватала, что дадут, и припевала так:

«НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ
НАД НАМИ ВОЛЕН ТОТ,
КТО НАС ОСУШИТ, А ЗАТЕМ
ПО ГОРЛЫШКО НАЛЪЕТ,
КТО НАС ОТПУСТИТ, А ПОТОМ
НАВЕКИ ПРИКУЕТ».

Звук труб, бунт букв, буй тур, ух, крут, шипит
и гаснет трут,
Мы не плывём, шурум-бурум, мы смотрим из кают —
О бойся полиглота, сын, он в самом деле дик,
В его груди заумный рык бушует, как хамсин!

И безалаберный Пилот, и Ангел в сюртуке,
И Царь зверей, и даже тот, кто с бритвою в руке,
И Иноходец ломовой, на ком горит тавро —
Мы все стояли пред тобой, покойница Гуро.

И мы молились, бросив стыд, не в силах встать
с колен —
Господь Всевышний да хранит покойницу Элен,
А ровно в полночь, без огней, расталкивая мрак,
В галоп пускали мы коней и молча пели так:

♦НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗНАТЬ, ЗАЧЕМ
НАД НАМИ ВОЛЕН ТОТ,
КТО НАС ОСУШИТ, А ЗАТЕМ
ПО ГОРЛЫШКО НАЛЬЕТ,
КТО НАС ОТПУСТИТ, А ПОТОМ
ДО СМЕРТИ ПРИКУЕТ♦.

ГОРЬ

В. А. Лейкину

Я видел горбуна, как он,
Глотая, двигал кадыком,
Клянусь, он не был мне знаком —
Доселе в горле ком;
Я видел, выдох затая,
Его ладонь, ее края,
Его оскал — и, в общем, я
Нашел, кого искал.

Он шарил пястью по столу
В кафе, в таком его углу,
Что мог бы, кажется, скулу
Рассечь об эту мглу,
Текущую из всех щелей,
Рекущую ему: «Налей»,
И, как в пещере той — Пелей,
Он растворялся в ней.

А я, как сотни раз потом,
Хотел уйти, и что мне в том,
Какую весть несет фантом
С золотозубым ртом —
Таких, как он, хоть пруд пруди
Патлатых бражников среди —
Но кто-то мне сказал: «Гляди!
Он твой братан, поди».

Свобод классических певец,
Я понимаю, наконец,
Куда клоню; пускай Творец
Пасет своих овец
Железом, пламенем, бичом,
Разящим окриком, мечом —
Хозяин барин, и о чем
Слезу пускать ручьем?

Все так — но отчего, когда
С ночных небес летит звезда,

Мы говорим: «Ты видел, да?
Нас ждет беда, беда!»
Какой трюкач устроил так,
Чтоб этот нищий полумрак,
Небритый лик, зловещий зрак
Считать за вещий знак?

Бог видит, дело не во мне —
Я говорю о горбуне,
Как он пьянел, и по стене
Пласталась тень, а не
О нас с тобой, не вообще —
О нем одном: кому еще
Лететь, юродствуя вотще,
Как камню из пращи?

Мы были музыкой в аду,
Мы были курицей на льду.
Я все сказал, и я пойду —
Здесь места нет стыду,
Здесь страх и трепет на кону,
И к этой мысли я примкну
И никого не прокляну
В уплату горбуну.

РОМАНС

Любимая, замри,
От бедного певца не отворачивай лица.
На берегу рыбаки
Поёживаются.

Как мало с той поры,
Когда сырая мгла нас окликала, как могла,
Из каждого угла,
С намёком на дары,

И вот уже не я
Предчувствую тебя, а ты предчувствуешь меня,
За гранью бытия
Заслышав «труляля».

Сгребая со стола
Закуску и винцо, скирду, тропинку и крыльцо,
Зима приобрела
Неженское лицо.

Теперь твой римский нос,
Артезианский рот, монетный профиль, поворот
И поволоку слез —
Засыплет, заметёт.

Покойся, милый прах,
В спасительной сени, где сбились в кучу ночи, дни —
До радостного «ах»,
Печального «взгляни...»

НЕДОНОСОК

(7-6-5-4-3-2)

Я мог бы быть живым — а я
И есть живой, чей путь во тьму
Внезапно прерван, потому
Что пёстрых стёклышек края
Соединились — и ему
Сказали: «Очередь твоя», —
И подали суму.

И он послушно в путь потек,
Как отче наш, в зубах зажав
Обрывки песен тихих тех,
Чей отголосок длится, ржав,
Между студенческих потех
И старческих забав.

Но тайный груз, хранимый в нём,
Сумел остаться невредим —
Как Кровь, Которую мы пьём,
Как Плоть, Которую едим,
Как золотой заём.

И вот, застигнутый врасплох
В кругу своих, в пиру, в любви,
Он вдруг задерживает вдох,
Пугая визави —

И видит ясно двор и сад,
В которых игрывал, объят
Первоначальной тьмой,

И произносит: «Боже мой,
Домой, пора домой».

ТОСТ

— Я говорю о том,
Кого не вспоминали —
О шутнике пустом,
Большом оригинале,
Сложившем толстый том
С невнятицей в финале.

Он говорил: скачи,
Но только шагом дробным;
От счастья ключи
Лежат на месте лобном.
Он говорил: лечи
Подобное подобным.

Всего не охватить
В перечисленье беглом:
Учил вола крутить,
Не доверяться смуглым,
Особенно учил
Не доверяться неграм.

То был его конёк —
Молчи, таи, лавируй.
Как старец, в поздний срок
Облекшийся порфирой,
Он чуял между строк
Преемника с рапирой.

Не веривший в игру
Без шулерских отметин,
Покойник, не совру,
Повсюду был заметен
Как нищий на пиру,
Как дегустатор сплетен.

Теперь, когда он нем
От порчи либо сыпи,
Напоминать зачем,
Зайдясь в посмертном всхлипе,

О чуде на М
И, в общем, грязном типе?

Ни в грош не ставя прыть
С разгону бить по нервам,
Не думая польстить
Судьбе и прочим стервам,
Прошу меня простить —
А всё ж он выбыл первым
Из круга нашего. Пускай в молчанье
Мы выпьем в честь его.

— Да будет так.

ЗАЙКА

Угрюмой ночи на краю
Усни, зайка.
В тебе укор небытию,
Его улика:

Твоих согласных толчея,
Порывы, вдохи
Безвыходной, как «я твоя»,
Верны эпохе.

На черной глади площадей —
Раскат музыки.
Пятнадцать белых лебедей
В руках зайки.

Как кошку, выстудило речь,
Но важный лепет
Возникнет, выучится течь,
Потом окрепнет,

Заполнит пропуски, потом
Расставит веки;
Иона, выблеван китом,
Подымет веки.

(Так входят в комнату, а там
Пирует нечисть;
Так воздух пробует
Себя из кадра вычесть.)

Пока, разматывая нить,
Клокочут бронхи —
Чтобы стежком соединить
Края воронки.

РАЗГОВОР

Послушай, что я говорю. Потом
Реши возразить. Опустив ладонь
На стол, зависая над тем столом,
Затянувшийся след у запястья тронь.
Парус надут, и поют гребцы.
Становится видно во все концы.

Мы прожили зиму внутри зерна,
Но теперь другое: часы пошли,
Налицо набухание, белизна,
Вывороченные комья земли,
И, хотим мы того или не хотим,
Уста произносят слово «хитин».

Загибаю пальцы: животный мир
Изнывает в очереди на пистон;
Роца в истерике; sage mir,
Что у нас там плещется под мостом?
Но смотреть туда, где течёт река —
Развлечение дурака.

Тут я и скажи своей дорогой
О том, что не будет жизни другой —
Будет в точности та же, и ты
От подмены соскочишь с ума. Взгляни:
Те же походка, глаза, черты,
Ранняя полночь и в ней огни.

Убийца думает, что убит,
Убитый думает: обошлось,
Волокна света, касаясь плит
Пустого двора, не проходят сквозь.
Лодка плывёт по чистым листам,
Вещи стоят по своим местам.
Дверь говорит: «Кто там?»

БЕЗГОЛОВЫЙ

А этот с войны явился домой
С отстреленной головой.
Жена его не пустила в кровать,
Сказала: «Ступай назад воевать».
Сказала: «Куда ты нужен такой?»
И ее нетрудно понять.

А он-то уже предвкушал рассказ
Недомеркам, сгрудившимся в кружок:
«Значит, так: узкоглазый ползет на нас,
Он зашел с боков и село поджег,
А у нас только пушка, и та из говна —
Что ты будешь делать — война».

Навалилась ночь, зализала следы.
Кое-как добрел до плетня.
Постучался к соседу; просил воды,
Но сосед закричал: «Огня!»
Он про Джона Боттома не читал,
Про чухонских старух не слышал.

Тут мы кое о чем сговориться должны.
Я не чувствую в том вины,
Что, заслышав команду: «Спустить штаны»,
Он послушно спускал штаны —
Здесь слезы не в счет и слюна не в счет,
Здесь вообще другая жидкость течет.

И течет, похоже, из всех щелей —
У кого красней, у кого черней,
Из разбитых носов, из вагин, из могил,
Точит камни, русло торит,
Устремляясь туда, где уже стоит
Со стаканом в руке Азраил.

Он наполнит стакан из того ручья
И объявит: «Конец. Ничья».

МЕНЕЛАЙ НА ФАРОСЕ

Под тюленьими шкурами смрад такой,
Что мучителен каждый вдох.
Если бы на время утих прибой,
Я услышал бы, что оглох.

На пятый день, на сто пятый день —
Ни малейшей разницы в том —
Морской старик со своим кнутом
Придет за своим скотом.

То-то будет дивное квипрокво,
То-то смеху для никого,
Когда, во весь рост поднявшись, тюлень
К сердцу прижмет его!

Я увижу затекший в подглазья гной,
Звезды плесени на белках —
Тут он станет вепрем, речной волной,
Рощей в моих руках,

Превратится в пряди твоих волос,
В слово «караганда»,
Но я удержу его, и тогда
Он откроет мне путь туда,

Где меня дожидаясь нет, не ты —
Лукоморье, вода в слезах,
Ключья тины, оторопь немоты,
Незряче глядящие рыбы рты,
Сомнение, похоть, страх.

ПОДКИДЫШ

Маше Левиной

Кто в колыбели подменён, тому возврата нет
Под жёлтый круг настольной лампы, тому не шлют
привет
Ни тётка Джейн, ни такса Джон (миляга,
но пустобрех);
Впрочем, эта история для него начинается, как
для всех.

Но однажды под вечер у постели больного зашепчутся
мать с отцом —
Он весь в жару и не в силах глотнуть, но держится
молодцом,
Т.е. успевает в нужный момент притвориться
спящим — и вот
История о подмоченной родословной выплыла
и плывёт.

Кровь в его жилах делает круг, потроха поднимают
крик,
Через пять минут он уже в летах, через десять
уже старик,
Той же ночью он выпрыгивает в окно и уходит
за острова,
По пути вербуй в свои отряды всех, не помнящих
родства.

«Ко мне, мои птицы, Господни стрелы! Любой из тех,
кто внизу,
Пожелай он выследить ваш полёт, различит лишь
соринку в глазу!
Пропустите вперёд кукушек — они разберут, куда
я клоню!»
И птицы подписывают договор, прикладывая
четверню.

«Ко мне, мои рыбы, комья воды! Подымайтесь со дна
реки!
Вы ничего не просили у Ноя, и значит, не должники!»

Бесполезно говорить о сыновних чувствах рождённому
под мокрым кустом
На глубине семь футов — зато
как мощно он бьёт хвостом!»

Кузнечики, гусеницы, саранча выстраиваются
в ряды —
Есть все основания верить в них, юных, не бреющих
бороды,
В их опыт и мужество, в их задор, терпение и экстаз,
Когда они строем глядят на него, не сводя фасеточных
глаз.

«Хей-хо! Собака, скули! Обыватель, прячь дочерей!
Ко мне, недоносок, слепец, горбун, инвалид, заика,
еврей!
Ко мне, изгой любых мастей — и пока не вспыхнул
восток,
Мы успеем сквитаться с ними за всё, а потом
подобьем итог».

И крестьяне на стук выходят к дверям, вынося ему
всё, что есть,
И летит по осипшим полям, обгоняя войско, благая
весть,
И всю ночь до рассвета на измятых подушках король
вершит торжество —
Пока наконец подоспевшие ангелы не уволакивают
его.

II. ИЗ ДВУХ КНИГ

Теперь здесь Фландрия. Крещенье.
В часовне сумрак и лампада.
Газеты пишут, что вращенье
Земли — причина снегопада,
С утра ленивы брадобреи
И надоедливы вороны.
В сырой картинной галерее
Святых кокетливые раны
Обозревают интуристы,
Агенты Фронды и Антанты.
Здесь прачек любят индуисты,
А судомоек — маркитанты
Союзных войск. На кухне дети
Играют в рыцаря и даму.
В пустом муниципалитете
Директор почты пишет драму
Из жизни греков. Сами греки,
Кляня хозяев-негодяев,
Плюют в оттаявшие реки
И вяло дразнят попугаев
В саду эрцгерцога. (Сметана
Зимой дороже, чем в Брабанте.)

.....

Пробило пять. Зевают классы.
Моря на карте пахнут сушей,
А там, внизу, по Розенштрассе,
Идет мясник в обнимку с тушей,
Они поют хмельно и дико
И ватных дворничих пленяют,
А с неба, с неба... Погляди-ка!
Должно быть, ангелы линяют!
Из тучи наискось — вот шуму!
В ладони нищему — вот смеху!
На обер-мейстерову шубу,
По молью траченному меху,
По чердакам, по пыльным лавкам,
По пыльным полкам этих лавок,

По крепдешинам и булавкам,
Стальному строю мышеловок,
По всем котам и дипломатам,
По всем метисам и семитам,
И в отдаленье пахнет мартом,
И в подворотне пахнет миртом.

.....

В последней комнате трактира,
Где отсыпаются пьянчуги,
Немытый некто пишет вид
На реку, мост, рыбачьи сети,
Пустую мельницу и тополь.
Бродяги смотрят из угла,
Смакуя спелость анекдота
И за два гульдена табак,
И спорят. Между тем художник,
Наскучив водною стихией,
Добавил серого, и вот
Река становится дорогой,
Теперь по ней гуляют пары,
Лениво тащится обоз
С гончарной утварью, собаки
В пыли оспаривают кости,
Спешит разносчик — и уже
Два-три мазка всего осталось,
Как вдруг молчавший до того
Брюссельский шкипер замечает,
Что расторопный живописец
Забыл стереть с картины мост.
Ей-богу, смех! Кабак гогочет,
И мачта гнется и скрипит.

За Крестовским, Елагиным, Каменным,
«Стрижкой-бритьем»,
За могилой полковника тульчинского Бонапарта,
За забором госдач, за убогим чухонским бытjem
Закругляется мир, ибо там обрывается карта.

Дальше — шкиперский почерк, пометки по мятым
полям:
«Не забыть с воскресенья начать прорубаться
в Европу;
За победу под Нарвой устроить парад кораблям
(Корабли через «а») и полбочки мадеры на пробу

Отписать из Гишпании...»

Вооружив до зубов
Восприятье, уже различишь реверансы Растрелли,
Суету площадей, отрешенность собак и столбов.
Там проходит троллейбус, к рогам прицепив
параллели,

И спешит сочинитель, упрятав лицо в воротник.
Он приписан к Военно-Морскому геройскому флоту,
Но пока предоставлен себе и главою поник,
А чахоточный ветер швыряет в глаза позолоту

С обветшалых строений и карту вздувает, как флаг.
Императорский гнев, на забаву и страх краеведу,
По линейке наносит столицу на архипелаг,
Подагрическим пальцем грозит изумленному шведу,

А потомкам велит поджидать лихорадку с болот,
Одомашнить анапесты, окна заклеивать к стуже
И уныло следить, как гарцует оседланный Клодт
И Военно-Морской, с адмиралом и знаменем, флот
Открывает кингстоны и тонет в Маркизовой Луже.

Как там бишь этот месяц по-нашему: почки,
листочки...
Погляди из окна — не узнаешь ни судна,
ни кормчих:
Подполковники возле оврага затеяли прятки,
Восьмиклассники ловят дриаду; она не дается.

Бог мой, все эти пестики, венчики, птенчики, птички!
В зеркалах беспорядок, в дубравах невнятные речи...
Получилось, как будто обрыдшую всем киноленту
Запустили назад — для потехи и нравоученья:

Унесенные ветром картузы находят владельцев,
И вчерашний покойник гарцует на белой кобыле,
И Муму из воды — только брызги столбом! —
вылетает
Прямо в руки плечистому дворнику. Счастливы оба.

1988

ТАНГО

А ну-ка
Ты, Вальсингам, для прекращения стука
Затылков об пол, с грацией трепанга
Сыграй нам танго:
Парарам-парарам.

До завтра —
На диком Севере, где год считают за два,
Или в Китае,
Где сорок тысяч подданных считают
За одного
(Известно за кого).

На память
Бери лишь то, что можно взять, обрмить,
Притырить за щекой, зашить в портьеру,
Принять на веру —
И больше ничего.

О прочем
Молчок — любви мы цену тем упочим,
Когда в глухую ночь с постели вскочим
И крикнем: «Вот чем
Тогда грозили нам

Китайцы,
С которыми рифмуются скитальцы,
В отчаянье заламывая пальцы
Под звуки танго:
Парарам-парарам».

1991, 1997

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Под северный ветер над мокрой травой
(Вблизи — лопухом, лебедой)
В осипшую дудку свистит часовой,
Видать по всему — рядовой.

Тоска его гложет, волнует гроза,
Но чу — полуночной порой
Кто скачет, кто мчится, кто прячет глаза
И медлит ответить пароль?

«Я тронулся в путь поутру. Горбунок
Петлял, бестолково пыля,
Когда нелинованой картой у ног
Простерлась родная земля.

Я наскоро вскормлен ее молоком,
Воспитан ее каблуком,
Не бил барабан перед смутным полком,
А бил перед смиренным полком.

Я вытвердил эту гугнивую дробь,
Дурного младенчества сыпь:
Брусчатка, песок да болотная топь,
Где ноет болотная выпь —

Но как по оврагам силки ни крепки
И как ни туги вымена,
Я знаю такие четыре строки,
Которых не стоит она».

Под северный ветер над мокрой травой,
Спросонок в обставшую тьму
«Кто скачет, кто мчится?» — кричит часовой,
И сыч сострадает ему.

«Теперь о тебе. В изложение разброд,
И плащ по дороге промок —
А помнишь игрушку: на нитке урод
Сыскать равновесья не мог?

Как на кол бунтарь, как сверчок на шесток,
Как дым от огня по трубе,
Как грек в Илион и варяг на восток,
Так я устремляюсь к тебе.

Всё так — но когда, на разлуку трубя,
Архангел покинет зенит,
Забвение бережно примет тебя,
А вычурный стих сохранит».

Кто плачет, кто злится, над чьей головой
Дрожит потревоженный мрак...
Стреляй, часовой, не стреляй, часовой, —
Да что ты изменишь, дурак!

Зареванный странник, ковёрный Улисс,
Знаток соловьиных колен
Пускается вскачь в механический пляс,
В силлабо-панический плен.

Что прянет во тьму, за фиксатый оскал —
Хула, умиление, вздох?
Ездок погоняет, ездок доскакал —
А все погоняет ездок.

БАЛЛАДА

Стасу Савицкому

1. Зеленым огнем полыхает куст,
Ажурен и влажен лист,
А леди Мэри покоя нет
Четвертую кряду ночь.
2. Четвертую Божию ночь, едва
Сойдутся стрелки часов —
Сэр Джон взбирается под окно
По лесенке приставной.
3. Кухарки в сон, белошвейки в сон,
Сэр Джон в безнадежный сплин.
«Пойдем со мной, — умоляет он, —
В кустах стоит цеппелин,
4. В полях немотствует всякий зверь,
Звезда коротает ночь
За влажным облаком, и никто
Не сможет выследить нас.
5. От лисьих нор, от паучьих гнезд,
От вересковых пустот
Мы выправим курс на юго-восток,
Чтобы услышать, как
6. Перекликаются корабли,
Идущие к маякам,
А с берега ведьмы морочат их,
И море дрожит во тьме».
7. Но леди Мэри к таким речам
Останется холодна.
«Ступайте прочь», — говорит она.
«Good night, — говорит она, —
8. Я лорду-маршалу отдана
И буду ему верна —
Порукой тому пуританский пыл
Отца и семи сестер».

18. «We can't believe», — говорят они,
И можно держать пари,
Что плотник сломает замок, но ни-
Кого не найдет внутри.

1990

CANTUS NERVORUM*

Тебя, тебя поглотит вечность,
Движения и крыл лишит.

Херасков

Человек на голой земле. На голом,
Предположим, полу. Обожжен глаголом,
С перекошенным горлом.

Перепонка радио, звука складки,
Голубой дымок из аптечной склянки,
Реквизит без изнанки.

Он лежит, печалится: «Вот так номер —
Собирался в театр, в кабак, в Житомир,
Присмирел да и помер».

Ни мушиным крылом, ни кротовым лазом,
Ни отменно вогнутым рыбьим глазом
Не похвастает разум —

Все какая-то мелочь: колки, пружинки,
Философский камень; его прожилки.
Незавидны пожитки,

И не жалко бросить; так раб Ревекке
Говорил: «Уйдем и забудь навеки».
Соберутся калеки

Копошиться в белье, караулить запах
И простукивать ящик, который заперт,
И ослабится Запад,

А Восток плечами пожмет, в буфете
Станционном случайно услышав эти
Невеселые вести.

Исчезает всяк — эскимос, арап ли.
Говоря стихами, мы крупно влипли,
Вот и цедим по капле

---

* Струнная музыка (лат.).

Этот тайный трепет, подкожный опыт.
Не погасла спичка, и чай не допит.
Провожатый торопит.

1990

ДЕЖА ВЮ

И внезапно наполнит кровь
Напряжение, трепет крыл, —
Будто вновь посетил, и вновь
Посетил, а глаза открыл —

Никого. Обратясь назад,
Подмененный найдешь пейзаж:
Птичий рынок, античный сад
И Ривьеры жеманный пляж —

Ведь едва мемуарный род
Обнаружит узор и нрав,
Тут как тут пантеон бород,
Где и Диккенс, и тульский граф.

Ну, довольно, не хнычь, припрячь
Озаренье свое, каприз:
Там вертётся печальный мяч,
Убегая по склону вниз,

Там не сходит мороз со щек,
Там считают вслух до пяти,
Отправляясь искать. Молчок.
В эти комнаты нет пути

Дальше давних плевел, мякин,
Дальше фрейдовых Фив, Микен.
Ты не будешь больше таким,
Это значит — больше никем.

Полупамять, как тот сурок,
Бестолково трусит вослед —
Но безжалостен твой урок,
Узнаванья минутный свет!

Погоди, растолкуй, означь —
Корифей покидает хор,
И, однажды подброшен, мяч
Опускается до сих пор.

1990

ХОДАСЕВИЧ В ВЕНЕЦИИ

Это флейты? Я выбрал одну.
Уходите. Оставьте хористок.
Matka Boska, как ранит луну
Этот ангел, чугунный подросток,
Как течет и дробится на семь
Отражение камня на камне!
Будем квиты, Симсим —
Тарабарская честь велика мне.

Обернись, я хочу, какова,
Увидать — в этом платье, в оплетье
Огуречном, пока жернова
Перемелют нам кофе на третье,
Узнаю тебя, звоном щита
Распугав тараканье блаженство —
Но таится тщета
В соразмерности каждого жеста,

Вдалеке, в полумраке по грудь,
В электричке калека с баяном
(Я тебя не встревожу ничуть —
Ни филиппикой, ни покаянным
Шепотком), в сочетанье церквей,
В содержимом разжатой ладони,
В каждой ноте твоей
Вырожденьем напетой латыни;

Я с закушенной кану губой,
Но разучат охальник и шкодник,
Бормотун, бонвиван, зверобой,
На парнасском пиру второгодник
Этих вод натяженье и ржу,
Эту прихоть лепечущих парок —
Как я после скажу,
Суперприз, небывалый подарок.

1991

Господин, за что Ты бросил меня, если я был прав?
Почему не вышел к моим врагам, если Ты был гнев
Или огонь? Из адских теперь котлов возвратившись
здрав,
Примеряю заживо песий зев, носорожий клюв.

Се, гляди, Твой сын между жирных пальцев
по капле стёк,
Намотай на ус, как сложить вертеп из его костей,
Приложись к груди, где, бывало, слыхивал
стук-постук —
Растопилось сердце мое, как воск, под рукой Твоей.

И поставили на кон мой хитон, восклицая: «Блин,
Не с руки делить, ибо не лоскутен, но выткан
сплошь».

Для чего тогда в маете младенчества, Господин,
Ты окликнул нас, и наполнил чаши, а Сам не пьешь,

Если в персти смертной — обсудим это — червяк и аз
Многогрешный будем два червяка? Я готов, ну что ж:
Подивись, как волшебно его скольжение по глади луж,
Как таращатся в купол Твоих небес чешуйки глаз!

Он мой старший брат, сотворенный в утро пятого дня,
Как лепно украшен! как крепок телом! как домовит!
И я снова цел, и нездешний свет обстаёт меня,
Ибо Царство Твое, и простерта десница Твоя. Аминь.

1992

«Чедаев, помнишь ли былое?»
А я не помню, нет —
Обрыдла ария героя
Австрийских оперетт,

Психея прослунявит выдох,
Облапив травести, —
Да хуже нет в утробных водах
Барахтаться, прости.

Волшебный грошик на ладони,
Как выпадет, несу,
Но помня о погоне,
И в сумрачном лесу

Не оглянись, от поворота
Заслышав не впервой
В начале жизни запах пота
И крошки меловой.

Среди долины, ровной ровным,
На гладкой высоте
Я по губам, еще бескровным,
Прочту, как на плите

Могильной — лепет, оправданье,
Червивая кровать —
Правдоподобное преданье,
Да тошно свежевать.

Чедаев, отступись, не трогай
Ни елку, ни лото,
Ни шагу стоптанной дорогой
В младенчество — не то,

Когда отступит провожатый,
В урочище теней
Оно блеснет тебе фиксатой
Улыбкою своей.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Напоследях по шпалам,
На медленном огне,
Шопеном шестопалым
Сползая по стене, —
Мороз обтянет щеки,
И явятся тогда
Овраги, Териоки,
Пролетная вода.

Кому навзрыд в запруде
Подсвистывать клесту,
Кому поджечь на блюде
Колени к животу,
Кому по гроб аскеза
И чертогон, кому
Дорожное железо
Обмакивать в сурьму.

Очнешься в третьем классе,
Забудешь о себе —
Соломина на платье,
Кровинка на губе;
Ужо тебе, прилежник,
Похмелье во пиру —
Как вечности валежник
У времени в бору.

Мы были нити в пряже.
Я говорю о двух,
Сплетенных так, что даже
Умел голубить слух
Беспошлинный подарок,
Соседней крови ток,
Пока трещал огарок
И двигался уток.

Пора, мой друг! Покоя
Унылая пора!

Уже одной рукою
Не удержать пера,
Уже бежит за нами
Бог времени седой,
Натуралист в панаме,
На ветке козодой.

На полпути, с устатка,
На широте Читы,
Внезапная догадка
Уродует черты —
О чем бишь эта повесть,
Где певчих на плоту
Река уносит в невесть
Какую немоту?

1992

ЛЕБЕДЬ

В сучьей слободке окликнут ударом ножа,
Брошен ничком в европейскую ночь, где кричат
сторожа,

Давнее имя мусоля губами на гиблом ветру,
Я ускользну, уцелею, я весь не умру

В сонном экспрессе на скорости семьдесят миль
Мчась под откос, кувырком в ослепившую боль,

На постоянной перине, едва ли в бою и волнах —
Застит сознание крыла костенеющий взмах.

Я полечу, как Державин, над каждым ручьем,
От сукновален, кожевен, стремглав, не тревожим
ничьим

Окриком дальним, ниже похвальбой пулевой —
Клекотом, птичьей слезой выдавая себя с головой;

Видимы сверху, предметы уложатся в строки, и вот
Я, как трехлеток, иной затвержу алфавит,

Тайную повесть читая с продутого ветром листа —
Тот же туман позади, та же клетка пуста.

Лебедь не лебедь, на черном шнурке нахтигаль
заводной,
Сияясь ослабить объятья заботы земной —

Лишь бы не видеть: в дверях, перед срочным гонцом,
Ты принимаешь известье с уже отрешенным лицом.

1992

К АДЕЛИ

Залог пускай не чуда,
Но позвоночной дрожи
Прими, Адель, покуда
Пусты партер и ложи —
Как плащ святого в раке,
Как сад в окне вагона,
Покоятся во мраке
Глаза, уста, вагина.

К тебе, Адель, покуда
В беспамятстве кружала
За тем столом паскуда
Бессмертье не стяжала —
Играй, глотай таблетки,
Покуда шалко-валко
По выемкам пластинки
Торопится иголка.

О тех, кто нами были,
Что помнишь — вкус миндальный
Халвы на деснах или
Забвенья, друг мой дальний?
В кустах не прянет птица,
Под ветром хлопнет ставень —
Почто из глаз катится
Поддельный роллинг стоун?

Но ты, Адель, в гортани
Полощется покуда
Лоскут набухшей ткани,
Питомец логопеда,
Валяй, не знай печали,
Пока нездешний трепет
Не развернет качели
И тормоза не выбьет.

Так мальчик первобытный,
Чуть впопыхах, но с понтом,
Стремился на попятный,

Напуган птицей дронтом,
Так путник на привале,
Продрогнув, ищет кровлю —
А это мы едва ли
Покончим малой кровью.

Когда валы отхлынут,
Один из бывших рядом
Авось замлеет, тронут
Твоим недвижимым взглядом,
И скажет: «В смертном часе
Кто волен, ёксель-моксель?
Но ныне целой расе
Опротестован вексель,

А были плечи, стати,
Томленье, почерк, опыт —
Какой восторг в эстетике
Будил полночный шепот!
Но проба их и марка,
Но фауна и флора
Увяли, как кухарка
В объятиях филёра, —

Выходит, карта бита
И перед нами чисто», —
И запоем работа
В руках таксидермиста.

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин.

Некрасов

— От олонецких скал до лужской бесовщины
К восьми наляжет тень и проведет морщины
По гладким пажитям, а между двух теснот
Пролетная вода отчетливо блеснет;
Что нам тогда труды и прихоти дневные,
Тогда на площади, где фонари двойные
Затеplены уже, в особенной чести
Картонный лоскуток... — Послушай, не части,
Припомни полутьму, а также блеск и трепет
Конфетных фольги, пока за сценой крепнет,
Ища себе путей, томительный мажор,
И — крышку с варева подымет дирижер.

Как бы кордебалет для новой Саломеи,
На сцену с трех сторон амуры, черти, змеи
Прискачут, ринутся, осядут, как пыльца,
И в ложе номер семь раздастся суд глупца.
— Я не пил из ручья сладчайшего обмана,
Но слышал этот гул в стихах балетомана,
Он между нами был парнасский муравей,
Начетчик, донжуан с экземой меж бровей,
Тому полвека, но во мне доселе живо...
— Дай досказать. Там есть еще такое диво:
Вот козлоногий сонм, как грузная волна,
Отхлынет — и в кругу останется одна.

И вдруг прыжок, и вдруг от крова и кормильца
В зажмурившийся мрак взлетит, как пух от рыльца
Эолова, меж тем как флейтин голосок
Стальную нить ведет под самый потолок;
Тогда шумит вода в таинственных криницах,
Для всех скорбящих дом построен на ресницах
Возлюбленной моей; там будет ей слугой,
Напружив лядвеи, кузнечик дорогой,
Танцор и баловень, там бабочка с разлета
Ударится в стекло, и в воздухе разлита
Внимательная дрожь, почти небытие...

— Но есть условие: не спрашивать ее —
Что наша жизнь? К чему мы эту бездну топчем?
Почто на суету, почто на скуку ропщем?
Почто бежит слеза? Найдем ли сил избыть
Младенческий столбняк и старческую прыть?
Какой высокий бред, а может, лепет праздный,
Волнуясь, затвердит потомок безобразный?..

Она в ответ молчок; такой у них закон.

1993

Полудачная местность. Оять и Шексна.
Хорошо бы купить барабан.
Если бросить в колодец монетку, она,
Возвратясь, прилипает к губам;

Если смерть — переход в болтовню за стеной,
Притяженье воды и челна,
То безглазой личинке в утробе земной
Будет лучшая участь дана.

«Спи-усни, — навевает, в ладах ни аза,
Сводный хор от Саян до Судет, —
И сновидцу раскаянье выпьет глаза
И желание пальцы сведет,

И свинцовый балласт над твоей головой
Укрепят двадцатифунтовой,
И сойдутся к изножью тунгус и калмык
Вдохновенный твердить волапюк;

А на сороковины, считая в уме,
В подорожной отиснут печать, —
Ты продышишь окошко в колодезной тьме
И уйдешь, научась различать,

Где влекутся по небу светила, а где
Бесноватый поет на юру, —
И на этом пути ты оставишь наде-
жду, и веру, и третью сестру.

1994

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВОЙСКО

Из Африки	9
Слепой	11
Соглядатай	12
Футуристы в 1913 году	13
Горб	15
Романс	17
Недоносок	18
Тост	19
Заика	21
Разговор	22
Безголовый	23
Менелай на Фаросе	24
Подкидыш	25

II. ИЗ ДВУХ КНИГ

«Теперь здесь Фландрия. Крещение...»	29
«За Крестовским, Елагиным, Каменным...»	31
«Как там бишь этот месяц по-нашему: почки, листочки...»	32
Танго	33
Лесной царь	34
Баллада	36
Santus nervorum	39
Парад	41
Дежа вю	42
Ходасевич в Венеции	43
Псалом 21	44
«Чедаев, помнишь ли бывшее...»	45
Переделкино	46
Лебедь	48
К Адели	49
«— От олонецких скал до лужской бесовщины...»	51
«Полудачная местность. Оять и Шексна...»	53

**В поэтической серии «Автограф», издаваемой
«Пушкинским фондом», вышли следующие сборники:**

- 1. **Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- 2. **В. Салимон.** Невеселое солнце
- 3. **И. Лиснянская.** После всего
- 4. **Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- 5. **И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- 6. **Н. Кононов.** Лепет
- 7. **А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- 8. **Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- 9. **С. Гандлевский.** Праздник
- 10. **В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- 11. **В. Дроздов.** Стихотворения
- 12. **Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- 13. **А. Цветков.** Стихотворения
- 14. **Д. Новиков.** Караоке
- 15. **И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- 16. **Т. Кибиров.** Парафразис
- 17. **Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- 18. **Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- 19. **В. Салимон.** Красная Москва
- 20. **В. Зельченко.** Войско

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных сборников обращайтесь
в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».

Информация по телефону: (812) 273-37-24

факс: (812) 273-52-56

Зельченко В.

Войско: Стихотворения. — СПб.: «Пушкинский фонд»,
1997. — 56 с.

ISBN 5—85767—104—3

ББК 84. Р7

Поэтическая серия выходит при участии
Просветительско - издательского объединения
ДЕАН+АДИА-М, СПб, 191025, а/я 298
тел. (812) 164 52 40 тел/факс (812) 164 52 85
E-mail: igor@adia.spb.su или andrei@dean.spb.su

Зельченко Всеволод Владимирович

Войско

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1997

Редактор *Г. Ф. Комаров*

Корректор *М. Г. Комарова*

ЛР № 030 448 от 10 ноября 1992 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Подписано в печать 15.04.97 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 3,5. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Зак.№ 146.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии "Полиграфический центр"
190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6
тел./факс 812 315 3310